

«Я буду употреблять всевозможное старание
устранить всё, но в противном случае я не виноват»:
управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных

Юлия В. Ким

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Yvk22@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются особенности труда управляющих в имениях Мусиных-Пушкиных. Автор показывает отношение управляющих к своей деятельности, степень их ответственности и профессионализма. Уделяется внимание происхождению управляющих: например, в первой четверти XIX в. владельцы чаще всего ставили на должность управляющих выходцев из крестьян, и это обуславливало специфику их отношения к делу и к своим подчиненным. Управляющие из дворян были для сельского населения представителями чужого и чуждого мира, что осложняло взаимоотношения и приводило к многочисленным конфликтам, на которые автор статьи обращает особое внимание. В середине XIX в. в имения приходят профессиональные управляющие, чаще всего из западных земель Российской империи или иностранцы. Их отличал прагматизм и компетентность. В настоящей работе автором будет представлено несколько примеров такого стиля в работе, продемонстрированных управляющими второй половины XIX в. Особенности отношений владельцев имений и управляющих во время революционных событий 1917–1918 гг. также будут предметом внимания автора статьи. Автор статьи попытается обратить внимание на личностные особенности каждого из управляющих, так как характер управляющих сказывался на социальном взаимодействии их с начальством, то есть владельцами имений, и с подчиненными, а также отражался на результатах и эффективности труда.

Ключевые слова: Мусины-Пушкины, XIX век, имение, дворянство, усадьбное хозяйство, вотчинные управляющие, социальное взаимодействие, крепостные крестьяне

Для цитирования: Ким Ю.В. «Я буду употреблять всевозможное старание устранить всё, но в противном случае я не виноват»: управляющие в имениях Мусиных-Пушкиных // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 63–83. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-63-83

“I will use every possible effort to eliminate everything, but otherwise I’m not to blame”:
managers in the Musin-Pushkins’ estates

Yuliya V. Kim

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Yvk22@yandex.ru*

Abstracts. The article, based on the archival materials, examines the peculiarities of managerial work in the estates of the Musin-Pushkins. The author shows managers’ attitude to their activities, the degree of their responsibility and professionalism. Attention is paid to the origin of managers: for example, in the first quarter of the 19th century people of peasant origin were most often made to the position of managers, and it caused the specific nature of their attitude to the case and their subordinates. Whereas managers from the gentry were representatives of a foreign world, alien for rural population, which complicated the relationship and led to numerous conflicts which the author of the article pays special attention to. In the middle of the XIX century professional managers came to estates. Most often they were inhabitants of western lands of the Russian Empire or foreigners. They were distinguished by pragmatism and competence. In this research the author will present several examples of the work style demonstrated by managers of the second half of the XIX century. Peculiarities of the relationship between owners of estates and managers during the revolutionary events of 1917–1918 years will also be the subject of the author’s attention. The author of the article will try to pay attention to the personal characteristics of each of the managers, since the managers’ character features affected their social interaction with their superiors, (that is, the owners of the estates, and their subordinates) and directly impacted on work efficiency and results.

Keywords: The Musin-Pushkins, the XIX century, the estate, nobility, estate management, estate managers, social interaction, serf peasants

For citation: Kim YuV. “I will use every possible effort to eliminate everything, but otherwise I’m not to blame”: managers in the Musin-Pushkins’ estates. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;6(39):63-83. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-63-83

Период рассвета русских усадеб, а именно вторая половина XVIII–XIX вв., связаны с активизацией экономической деятельности в усадьбах. Эта деятельность не всегда осуществлялась самими владельцами имений, которые часто сельской жизни предпочитали светское времяпрепровождение в столицах. В этом случае основная нагрузка по организации хозяйства в имениях ложилась на управляющих. Специфике труда управляющих и особенностям взаимодействия управляющих с сельским населением, крепостными крестьянами, с хозяевами имений, посвящено относительно мало работ, гораздо большее внимание уделено самим землевладельцам-дворянам и их взаимодействию со служащими имений и крепостными крестьянами. Управляющим, которые служили в имениях одного из крупнейших аристократических семейств, а именно, представителей графской ветви Мусиных-Пушкиных, не посвящено ни одного исследования. В настоящей статье ставится задача восполнить эту лакуну.

Мусины-Пушкины в течение периода конца XVIII – начала XX в. были крупнейшими земельными собственниками Ярославской губернии, уступая только Шереметевым. В начале XIX в. у Алексея Ивановича Мусина-Пушкина в собственности было около 52 тыс. десятин только в Мологском уезде Ярославской губернии [1 л. 1–5]. У владельцев крупнейших имений Мусиных-Пушкиных, Иловны и Борисоглеба, в середине XIX в. совокупно в собственности находилось свыше 90 тыс. десятин земли. И лишь к концу XIX в. количество земли резко уменьшилось (в основном за счет продажи ряда вотчин Иловенского имения).

Главной статьей дохода было оброк, количество крестьян было таковым, что рационально организованное хозяйство не имело огромного значения. У знаменитого археографа, первооткрывателя «Слова о полку Игореве», Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, в 1816 г. было 15 663 мужских и женских душ в Ярославской губернии. Для самого Алексея Ивановича его «ярославская деревня» была уголком, где можно насладиться сельским покоем, отдохнуть или поработать. Хозяйственная жизнь имения не находила, как кажется, душевного отклика у хозяина, и граф предпочитал не лично

участвовать в организации экономической деятельности в имении, а переключать эти занятия на управляющего.

Владимир Петрович Шляхтенков, первый из известных нам управляющих, был из крепостных крестьян, что характерно для начала XIX в. Жена управляющего, Акулина Акимовна Шляхтенкова, тоже находилась при деле, участвовала в управлении делами суконной фабрики [2 л. 22–32]. Семья Шляхтенковых была на особом попечении графини Екатерины Алексеевны после смерти хозяина Иловны [3 л. 20]. А потом заботу о верных слугах отца взяли на себя наследники Алексея Ивановича [4 л. 33].

Одновременно еще один управляющий, Тимофей Шепягин, ведал делами графа Москве, был посыльным и доверенным лицом в делах между имениями, а также заведовал калужскими имениями графини. Но граф был им недоволен, и в 1814 г. в ответ на просьбу Шепягина позволить задержаться в Москве «по делу» и «по нездоровью» упрекает слугу, разрешив, однако, задержаться: «...то тебе позволяю, но как ты сделал привычку лгать, то худо тому верю и советую от грехов, а паче от пьянства воздержаться, а без того никогда здоров не будешь и ни на что не годишься». И в дальнейшей переписке 1814–1816 гг. хозяин ворчит и распекает Шепягина: «Да советую оставить знакомство с кабаками и трактирами...» [5 л. 2, 5, 11, 12], «...пора одуматься и войти в разум, что б быть человеком, а не скотом безобразным...» [6 л. 1, 3]. Но управление делами велось из рук вон плохо, пьянство должностных лиц процветало и позже.

После смерти Алексея Ивановича в 1817 г. прежде единое имение в Мологском уезде было разделено на две части: Иловну и Борисоглеб. Иловну унаследовал старший сын – Иван Алексеевич, а Борисоглеб – Владимир Алексеевич. До 1820 г. хозяйство велось по-прежнему, а с 1820 г. было переведено на новый расчет, то есть окончательно разделились части обоих братьев, хотя управляющим в обеих частях в первое время оставался Владимир Петрович Шляхтенков, ему помогал брат – Илья Петрович Шляхтенков.

В 1825 г. управляющим и Иловной, и Борисоглебом был назначен дворянин Шмигельский, родственник мологских помещиков Глебовых. В мае 1826 г. в Иловне его сменил новый управляющий, Алексей Строминов, а уволенный Шмигельский тем временем «безпрестанно распространяет слухи о скором его возвращении в с. Иловну и о вступлении в управление оной». Иловенское хозяйство после Шмигельского Строминов нашел в неудовлетворительном состоянии: «Вступив в управление вверенного мне от Вас имения и находясь в оном близ месяца, я нашел, что хозяйство во многих отношениях предместником моим разстроено». Строминов

жаловался, что не заготовлены дрова, жерди и колья, распаханная земля в с. Чайнове «прошлой осенью не была засеяна озимым хлебом», «рыбные ловли не успешны», в лесах самовольные порубки. В расстроенном состоянии скотоводство, скотный двор «в чрезвычайном беспорядке», грязь, скотницы неопрятны, нет должного ухода за молодыми телятами. Наводить порядок на скотном дворе Строминуву помогала супруга, которая «приняла на себя главной за сим надзор и по сему предмету отдала нужные приказания».

Работавшие еще при старом графе суконная, скатерная и полотняная фабрики чудом сохранились, так как Шмигельский «с оных фабрик несколько нужных человек отдал в конюхи, а самая фабрики назначил к уничтожению, от чего все фабричные мастера остановили свои работы в ожидании новаго для себя назначения». Стромин и его супруга пытались «возобновить сии мастерства» и привести фабрики «в лучшее состояние». Стромин обвинял Шмигельского в махинациях с покупками льна: согласно расходной тетради Шмигельский купил в Москве лен, но в Иловну не отправил. Неладно было и с выплатами оброка: «Многие из вотчинных начальников мне тайно доносят, что крестьяне не платят оброков и невносят подушных повинностей единственно, по какому то ожиданию быть государевыми крестьянами, и по их мнению в мае месяце сие ожидание совершится» [7 л. 2–5, 7–7 об.].

При этом Шмигельский оставался управляющим в Борисоглебе. Он получал огромное жалованье, 5000 р. в год, чего не одобряла Екатерина Алексеевна, но с одной стороны, так распорядился Владимир Алексеевич, с другой – пожилая графиня не хотела брать управляющими немцев. Сам Шмигельский писал в 1826 г., что «крестьяне во всех отношениях ленивы», «оброк за несколько лет не платят», «всякая деревня празднует около 20 разных праздников больше для варенья пива и для пьянства, нежели из усердия к Богу». На пьянство подчиненных управляющий жаловался постоянно: «Усова на сих днях только отыскали и привели совершенно опухшаго от пьянства и около 2 недель неизвестно, где находился», «Петр Федоров без меня также без просыпу пил <...> его заперли в комнату, но он замок и двери разломал и ушел, и теперь без просыпу пьет вместе с братом и с матерью»; «деревня вся как без меня, так и теперь во время праздников до безобразия пьют, и делают разные беспорядки, а вместе с ними и церковные служители ко всему бывают началом». Дьячки и пономари, по словам Шмигельского, крали сено, а сторожей угрожали посадить в прорубь. Крестьяне проявляли неповиновение должностным лицам, например, крестьянин Иван Прохоров избил старшину деревни Антона

Петрова «березовым поленом». Традиционными были жалобы на незаконные вырубki леса: «...где им вздумается рубят лес и возят в Мологу и прочия места продавать, так что по 50 возов с лишком останавливаются, но они не слушаются и везут по своему направлению», – писал управляющий.

Противостояние Шмигельского и мужиков продолжалось, Шляхтенков грозил смирительным домом. Происходили всё новые инциденты: после наказания за неплатежи оброка в Борисоглебе умер крестьянин, было следствие, приезжали инспектора военной управы, которые не нашли «никаких боевых знаков», которые подтвердили бы насильственную смерть. В июле «по мирскому приговору» в конторе был наказан несколько раз бежавший крестьянин, после «умеренного», по словам Шмигельского, наказания крестьянин повесился. Вновь «приехал заседатель и не нашел никаких боевых знаков», но генералу-губернатору было донесено, что несчастье произошло от строгого наказания, полученного от приказчика.

Во время всех этих событий Шмигельский жаловался на недостаток полномочий, так как он не имел права, например, отдавать крестьян в рекруты и в смирительный дом, и просил графа «незамедлить прибытием» и защитить его «страдающую невинность» [8 л. 1–7, 12–13, 17, 21, 19 об., 23, 35, 39 об.–40, 54–55]. Противостояние достигало такого накала, что необходимо было вводить войска. Драматические события привели в конце концов к отставке управляющего.

С 1827 г. управляющим Борисоглебом и Иловной был назначен Василий Михайлович Ленин, лейтенант флота, пошехонский помещик. Он стал и помощником владельцев, и другом семьи. Жена его, Елена, общалась с Мусиными-Пушкиными, принимала участие в делах. Она сетовала на то, что Борисоглебское имение при прежних управляющих пришло в запущенное состояние: «надобно время, чтобы привести всё в надлежащий порядок, тем более, если везде и во всем встречаешь большое расстройство»; «начало вступления мужа моего в управление было ознаменовано весьма неприятными встречами» [9 л. 2,6]. Сам Василий Михайлович не обвинял Шмигельского, оправдывая предшественника тем, что при «ненадежных» и «неверных» людях сложно управляться с огромным имением, но сам, кажется, сильно волновался из-за непорядков и опасался, что не сможет со всем управиться. С апреля по май 1827 г. он одолевал Екатерину Алексеевну просьбами заменить его на более молодого и здорового управляющего: «Не желая получать деньги даром, прошу ваше сиятельство меня от звания моего освободить, прислав на место моё другого: ибо в толико обширном и многосложном имении

без помощников с нерадивым, ленивым и непослушным народом не только 50-летнему больному старику, но молодому с крепким сложением человеку не легко будет присутствовать...»; «я буду употреблять всевозможное старание устранить всё, но в противном случае я не виноват». Новый управляющий все первые месяцы наводил порядок, и постепенно дела стали привычной обыденностью, а здоровье Василия Михайловича стало поправляться «благодаря искусству медика»: «в имении всё благополучно. Работают лениво и худенько послушивают. Пашня весенняя приходит к концу. Больных в имении довольно и более всего лихорадочных», – писал Ленин в середине мая. Разбираясь в делах предыдущего начальства, Василий Михайлович всё же нашел свидетельства того, что Шмигельский самовольно оставлял часть денег «себе в награждение». Новый управляющий писал графине, что «удивляется» и «сожалеет» по поводу таких «смелых действий» предыдущего.

Мужики в имении просили об освобождении их от оброка, В.М. Ленин действовал дипломатично: он разрешил им отправить ходок к барыне, но сам предупредил её в письмах: «...скажу Вашему сиятельству, что снисхождение Ваше по сему случаю будет неуместно», «Сменцовские Ваши мужики не в таком положении, чтобы не могли заплатить оброку: ибо отправляя к вам ходок, объявили выборному: “Если графиня не простит, то оброк у нас готов”». Вообще, оброк мужики платили «худенько», да еще и «ленивы к работе», отмечал Василий Михайлович.

Теплые взаимоотношения управляющего и хозяев можно почувствовать и в письмах: «Мне очень прискорбно было и тронуло до души замечание Ваше, будто я Вас забыл и не пишу», – отвечал Ленин на письмо Екатерины Алексеевны, он действительно писал ей регулярно, как и ее сыну, волнуясь, что Владимир Алексеевич не отвечает, но постоянно оправдывая хозяина тем, что тому скорее всего мешают обстоятельства и служба [10 л. 7–12, 15 об., 23 об., 30, 32–32 об., 34, 39].

В отсутствие Василия Михайловича переписку с Екатериной Алексеевной вела Елена Ленина, она не забывала упомянуть о заслугах супруга в делах управления имением: «Возвратясь из моей деревни нашли мужа моего благодарение Богу, здорового, а заботы его по хозяйству вверенного ему имения награждены изрядным успехом. Сие меня порадовало; желая быть ему полезной и помощницей в трудах, точас обозрела скотоводство...». Занималась супруга Василия Михайловича и садом, и огородом («огородных растений нонче не избыльно, и ягод морошки и поленики очень было мало»), и делами крестьян и слуг («Вам угодно было, чтобы

я наведалься о дочери Федосья Лукьянова – она весну жила в Иловне, явилась сюда в мое отсутствие; призвав ее к себе, объявила ей волю Вашу; велела ей заниматься пряжей, и вести себя как прилично молодой девке, упредила ее что коль скоро услышу о ней что либо невыгодное, то не премину уведомить Ваше Сиятельство»), и организацией больницы («...Иван Федосеев, мальчик молодой, довольно рассеянный, впрочем я его послушанием довольна; мы с ним занимаемся лечением больных, с помощью лекарских книг и иногда с успехом») [9 л. 1–3 об., 5, 6, 7 об.].

С конца 1920-х гг. в Иловне Ленина сменяют новые управляющие, которые выстраивают отношения с мужиками непросто. Например, управляющий Иловенским имением в 1831 г. коллежский асессор и чиновник 8 класса Василий Михайлович Бондаревский сообщал в письме Ивану Алексеевичу, что часть крестьян прекратили платить оброк и бунтуют. Управляющий требовал предоставить ему полномочия для расправы над мужиками, но Иван Алексеевич, очевидно, не спешил делать это, и Бондаревский отвечал: «несколько раз имел честь доносить как и ныне уверяю что они подлецы и возмутители чему однако ж как замечаю вы не верите, но впоследствии недолгого времени вы уверитесь, но трудно тогда поправить будет». Управляющий пишет, что мужики перестали платить оброк за первую половину года, и с обидой добавляет: «...но нечего мне тут делать, когда власть мою угодно было ослабить, всё Ваше, а не мое...». Бондаревский равно негодовал по поводу пьянства крестьян, бунтующих (но «скоро укрощенных») ткачей и восставших в том же году поляков («проклятые поляки», «неблагодарные мерзавцы»), никакого отношения к имениям Мусиных-Пушкиным не имевших.

Бондаревский позволял себе настаивать на своей политике в отношении крестьян: «повторяю Вашему Сиятельству мою просьбу не испортить для себя дело, а именно ни под каким видом как бы ни старались Вас обмануть не отсрочивать ни насколько времени недоимки, не убавлять оброку, а наложить на них ассигнациями, а неплательщиков от запашки не освобождать <...> разругать их как мошенников и показать всю примерную над ними строгость». Управляющий защищал вотчинных начальников от нападков крестьян, объясняя графу, что жалобы на бурмистра «в притеснениях» не заслуживают «вероятия», потому что бурмистр был бы Сакольской общине «хорош тогда, когда за всё по головке гладил и под мирскую музыку плясал». Бондаревский звал графа приехать и удостовериться лично в том, что крестьяне не повинуются.

Между тем, события разворачивались нешуточные: крестьяне Сакольской вотчины Василий Макаров, Василий Лукьянов с дву-

мя сыновьями «бегали» и «возмущали» народ, «но к щастию Вашему или так сказать общему», как писал Бондаревский, «приехал сюда Макарьевской исправник Федор Яковлевич Шкот», который «увидевши пыляющий сей огонь успел сфитить и отправить в земской суд Ваську Макарова, и тем самым ослабить силу действия сего». Сакольские крестьяне пытались устроить вторую «самовольную сходку», но увидев, что исправник приехал с военными, «разошлись по домам уже в сумерки». После отъезда исправника крестьяне-«недоимщики» собрались вновь, «и самые развратные пьяницы пришли довольно пьяни под предводительством своего первейшаго бунтовщика старосты Василья Лукьянова», «начали порядочно шуметь», но после угрозы применения силы «посмирили». Когда же крестьяне отправили пятерых ходоков к Ивану Алексеевичу, Бондаревский выдал всем пятерым отпускные билеты, но при этом в письме убеждал графа применить к крестьянам самые жесткие меры: «Все покорнейше прошу не щадить единиц для тысячей народов и своего спокойствия тишины и доходов...». Управляющий предложил годных из них отдать в солдаты, Василия Лукьянова сослать в Сибирь, остальных «месяца по два на монетном дворе выдержать».

С уходом ходоков собрания крестьян на селе прекратились. Бондаревский успокоенно писал: «Слава в Вышних Богу и на земле мир, правда кротость и терпенье Сакольскую ярость победило, утихли и умолкли все на сей неделе <...> работают тихо скромно и шуму никакого нет, опять понемногу зашевелилась уплата недоимки и сбор оброка...» Но управляющий очень волновался, услышат ли его, и напоминал о необходимом, по его мнению, наказании для ходоков: «Естли не сошлете их в Сибирь то хотя сошлете их на монетный двор, а Соцкаго прошу непременно отдать в рекруты...» Вероятно, Иван Алексеевич внял просьбам Бондаревского, потому что через три недели прислал строгое «повеление» от своего имени, а ходоков отправил в «зарабочей дом», что по мнению управляющего «есть самое отеческое и ничего не значущее по деяниям их наказание». При этом управляющий добавил, что хороших, честных крестьян и «исправныхплательщиков» он «как золото хранит» (от рекрутских наборов), но суров к «отчаянным пьяницам и ленивцам» [11 л. 36–37, 41 об.–42, 44, 60 об., 62–62 об., 63 об.–64, 73, 77, 79 об.].

Все беспорядки в имении и конфликт крестьян с управляющим происходил во время эпидемии холеры и бури с дождем «необыкновенной» (семь домов сгорели от громового удара, так как все были на сенокосе), и Бондаревский деятельно решал эти проблемы. Нужно отметить, что Бондаревский, хоть и бывал строг («Иловские

дворовые не смеют быть недовольны тем комплектом в зиму скота, которой мною им определен, видевши дороговизну и недостаток в корму пусть приучаются к бережливости»), но мог поддержать и защитить крестьян. Он вместе с ними решал, как выплатить оброчные недоимки: «...некоторые имея лишний скот по недостатку сена располагали продать на базарных торгах <...> мастеровые готовятся в зиму наняться в работник, словом всякой давал отчет из чего может выручить денег», но при этом управляющий строго запретил крестьянам продавать «нужный для дому семенной хлеб и скот», а вотчинным начальникам «приказал иметь за тем надзор под их ответственность». Крестьянам, готовым сотрудничать с администрацией, дал отсрочку, запретил перекупщикам скупать товары задешево у своих. Но «негодных из них» или «за старостью», или по другим причинам приказал отдать в солдаты, т. е, как сам Бондаревский писал про себя, «всех вольнодумцев покорил совершенно» [11 л. 63, 65, 69 об.–70 об.].

В начале 1830-х гг. управляющие в имениях Иловна и Борисоглеб находились на почетном положении. Сохранились записи о распределении плодов нового урожая в Иловне в 1832 г.: из 410 персиков 330 ушли на варенье и «мармалат», а оставшиеся были отправлены (видимо в качестве угощения) – 5 игумену, 10 князю Волконскому, 15 Лариону Александровичу Пушкину, 5 Мологскому уездному судье и 45 «господину управляющему» [12 л. 17 об.–18].

Сам Бондаревский получал в 1831–1832 гг. 500 р. ежемесячно [12 л. 139]. В том же году оклад управляющего усадьбы Борисоглеб, В.М. Ленина, составлял несколько меньшую сумму – 4500 р. в год ассигнациями [13 л. 3]. В 1839 г. на жалованье управляющих Борисоглеба было израсходовано 6901 р.: 4700 р. получил Петр Петрович Богданов (ему же выделены дорожные деньги, 135 р.), 1458 р. – сменивший его в должности Алексей Захарович Путьковский (ему же были выделены деньги на угощение приезжающих – 168 р.), управляющий Мусиновской вотчиной (часть Борисоглебского имения) Карл Иванович Юргенс получил 743 р. [4 л. 3].

Материальное положение управляющих середины XIX в. не изменилось: управляющие получали примерно столько же, сколько и в первой, если мы учтем, что платили теперь серебром. В 1853 г. оклад управляющего Иловенским имением Фомы Фомича (его фамилию установить не удалось) составлял 142 р. 85 к. в месяц серебром [14 л. 1 об.].

На некоторое время в имении Борисоглеб хозяева решили повторить ранний опыт и поставить в 1837–1838 гг. управляющим дворового человека – Ивана Ивановича Липина, на которого преж-

ний управляющий В.М. Ленин возлагал надежды: когда-то, в мае 1828 г., В.М. Ленин с согласия Владимира Алексеевича был инициатором отправки в Борисоглеб из Иловны трех человек на службу в контору, одним из них был Иван Липин, служащий «поведения отлично хорошего», который «честностию поведения своего всегда заслуживал доверие и похвалу»; он получил жалованья 25 рублей, на год «сертук и панталоны летние», «панталоны зимние», 25 аршин на рубашки, да на два года «сертук зимней», только «тулуп и шинель когда получал Иловенской Канторе неизвестно, а значится в Борисоглебской». Иван Липин хорошо проявил себя в Иловенской канторе и в дальнейшем сделал «карьеру» в Борисоглебе, начав с должности писаря. В Борисоглебе к новому должностному лицу еще с конца 1920-х относились с вниманием, известно, что на свадьбу ему было выдан 1 барашек и 2 свинки [15 л. 1 об.–2, 5–5 об.; 16 л. 1 об., 3, 8 об.–9].

Несколько лет спустя, в декабре 1837 г., новый управляющий И. Липин получил от Василия Михайловича письмо с советами и поучениями. «Здоров ли ваш барин?» – справлялся бывший управляющий, наставляя: «Слышал я что граф тебя во многом уполномочил, радуюсь тому и поздравляю. Только повторю тебе – старой мой совет и прозбу не менять барина своего ни на кого. Служить ему всеусердно – а паче всего беречь себя от слабостей, в числе коих пьянство есть губительное, я тебя знаю человеком воздержным, не погуби себя» [15 л. 3–3 об.]. Отношение бывшего управляющего к крестьянам раскрывается в его поручении Липину: «Служи мои поклоны всем поголовно от попа и до последнего крестьянина – остаюсь доброжелатель твой, В. Ленин» [15 л. 4].

Липин был управляющим не более года, в 1839 г. его сменил Петр Петрович Богданов, затем Алексей Захарович Путьковский. Но спустя еще несколько лет, в записях распоряжений Владимира Алексеевича по Борисоглебской канторе за ноябрь 1846 г. мы опять встречаем упоминание об Иване Липине: «По случаю отсутствия из имения г-на главноуправляющего все распоряжения по Канторе делать и смотрение за поведением людей поручаю казначею Ивану Иванову Липину» [17 л. 6].

Но казначей Иван Липин, став «над конторою главный распорядитель», натворил «беспорядок», и потому в ноябре того же 1846 г. потребовано «взыскать от него штрафа 25 руб. ассигнациями». Управляющий Карл Иванович Лиенцер обвинял Липина также и в том, что тот приобрел «пьяные связи с людьми также давно соучаствовавшими», а теперь, «будучи низвержен и лишен своей должности, много препятствует должности и моей и скорейшему

распространению во всем порядка». Иван Липин действительно не оправдал доверия, и помимо прочего, с ним проживала вольная работница, которая носила вино в арестантскую, да и сама любила «попивать», чем и навлекла на себя гнев управляющего [18 л. 1, 1 об.–2, 7 об., 29 об.]. Карьера Липина, нужно отметить, на этом не закончилась. В 1866 г. он находился в должности землемера в имении, получал годовое жалованье в размере 381 р. 64 к., пенсион (предположительно больше 30 р.), да еще и наградные за успешную продажу леса – 25 р. [19 л. 9 об., 19], а в 1871 г. Иван Липин вновь числился казначеем и получал годовое жалованье 360 р. [20 л. 25 об.]

В 1846 г. в конторе творились безобразия, несмотря на данные ранее наставления Владимира Алексеевича «вести себя трезво и радиво и от пьянства остерегаться», и доносить о тех, «которые будут неисправные и не трезвые» [17 л. 6]. Конторский журнал заполнялся из рук вон небрежно, записи подделывались, а пьянствующий три дня подряд «журналист Никонор Иванов» посажен в «арестантскую» для «протрезвления». По случаю халатности конторского служащего последовало распоряжение барина: «Бывшаго журналиста Никонора Иванова, к[огда] он протрезвится, наказать домашним образом – розгами при всех дворовых людях; и приказать сторожу чтоб он за ним смотрел, дабы он никуда не мог отлучиться; а канторе непрестанно давать ему для занятия дело». Хозяин имения лично вмешался в ситуацию (начиная с 1940-х гг. граф уделял большое внимание хозяйственным вопросам и вопросам управления имением), он был возмущен тем, что во временное отсутствие управляющего подряды и заказы делались без предписаний конторы и «против всякаго должнаго в благоустроенном имении порядка [18 л. 3 об.–4, 5, 17 об.]».

Нерадение конторы сказывалось и на качестве сельскохозяйственных работ в усадьбе, и граф запрашивал у вотчинных начальников, «по какой причине остались некоторые луга недокошенными, тогда как они сами должны были видеть, что количество поставки сена менее прежних годов и что погода не препятствовала позднему сенокосу» [18 л. 20 об.]. Но нужно отметить, что и годом ранее, в декабре 1845 г., из Петербурга в Борисоглеб был прислан приказ графа, где упоминались те же проблемы: «Денег 3900 я еще не получил, равномерно и регистры для сбора оброков к удивлению своему еще не присланы, чего впредь чтоб ни под каким видом не случилось, потому что из сего происходит беспорядок и недоумения» [17 л. 1].

В 1847 г. выяснилось, что в имении подворовывал сам управляющий, Карл Иванович Лиенцер. По новой моде управляющий был из Лифляндии, и этот первый опыт приглашения на службу чело-

века не из местных был неудачным. Лиенцер самовольно для своих нужд изымал суммы из Борисоглебской конторы, брал деньги и у служащих в Рыбинске (якобы для поездок по «графским делам»). Насчитали убытков на 14 805 р. Но при увольнении Лиенцера с него на всякий случай удержали больше, 16 000 р., так как Лиенцер пожелал уехать, не дождавшись конца расследования своих злоупотреблений [21 л. 3–5 об.].

После увольнения Лиенцера в 1847 г. в имение был принят новый управляющий, коллежский регистратор И.Ф. Зорин. Он проработал всего немного, и уже в 1848 г. Владимир Алексеевич написал про него в своем завещании: «Главноуправляющего имением моим Ивана Федоровича Зорина, показавшего мне в короткое время моих с ним сношений и знаний и честность и доброту истинно русских и благочестивых намерений его, прошу его почтить память мою» [22 с. 487], а в 1849 г. Зорин по доверенности от Владимира Алексеевича брал займ под залог 77 борисоглебских душ в Московской сохранной казне [23 л. 153]. Нужно обратить внимание, что не только хозяин Борисоглеба был доволен управляющим, но и крестьяне рассчитывали на его помощь в своих проблемах и с прошениями отправляли к его столу телят [24 л. 14].

С середины XIX в. ситуация с управляющими меняется: это уже не просто помощники владельца, но знатоки своего дела. Они теперь часто были выходцами из западных губерний Российской империи или иностранцами. Первым удачным опытом стало приглашение в 1854 г. на должность управляющего имением Иловна коллежского асессора и кавалера Гудчайльда. Управляющий, коллежский асессор Гудчайлд, направлял к графу только редкие важные предложения или ставил подпись на делах, требующих особого внимания, остальными он занимался сам. Вероятно, хозяйев (а именно, Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, тещку и внука знаменитого археографа) устраивала работа конторы, на всех предложениях управляющего стоит утвердительная резолюция [25 л. 1–129]. При дельном управляющем и конторские служащие работали ответственно. Журнал заполнялся образцово, вел его главный конторщик Маслов, проявивший себя отличным делопроизводителем (он долго проработал в имении и упоминался как состоящий при должности в Иловенской конторе и через 17 лет, в 1871 г., с окладом 360 р. [26 л. 9 об.]). Маслов не только приводил в порядок дела и вел реестр просьб, донесений и жалоб, он еще и работал с прошениями: изучал обстоятельства дел, снабжал прошения комментариями и в таком виде отправлял для резолюции к графу Алексею Ивановичу. Работа была, кажется, титанической,

ведь только с 28 августа по 7 сентября 1854 г. было подано 79 просьб и докладов (43 из них были графом удовлетворены).

Сам Алексей Иванович большую часть времени проводил в Петербурге. Среди бумаг второй половины XIX в. мы находим письмо двоюродному брату, графу Владимиру Владимировичу, написанное 10 января 1859 г.: Алексей Иванович передал брату «полное управление Иловенским имением» [27 л. 2] и, отвечая на его вопросы (заданные в более раннем письме, обнаружить которое пока не удалось), давал указания и советы по многим вопросам управления имением. Вероятно, помощь брата была необходима как вынужденная мера во время отсутствия управляющего. В том же 1859 г. на работу был нанят Карл Егорович Ранхов, лифляндский уроженец. Управляющие в имении действовали в согласии с рациональной хозяйственной политикой графа, например, заботились о создании на случай неурожая запасных хлебных магазинов: два было построено при бароне Руммеле, который был управляющим в 1858 г., а в 1860 г. Ранхов просил о создании еще двух. Или, например: выгодное для хозяев отходничество было распространено в ярославских землях, как и в других нечерноземных губерниях, поэтому Ранхов заботился о возможности крестьян уходить на заработки, хлопоча лично за тех, кому по каким-то причинам невозможно было это сделать [28 л. 1–1 об., 2–5].

В некоторых проявлениях пореформенная жизнь, как и методы управления, не отличались от дореформенных. Так, в 1863 г. крестьяне окрестных деревень Толбина и Лошья «несмотря на запрещение» пускали свой скот для пастбища «в лесную дачу» графа Алексея Ивановича, 19 июня в его владениях паслось 70 чужих коров. А 24 июня лесной объездчик Мартюшев с лесниками, обозревая лесную дачу, «усмотрели пасущимся в оной половину стада крестьян деревни Лошья»; «другая же половина стада паслась на своем наделе». Для восстановления справедливости контора от имени нового с 1861 г. управляющего, отставного титулярного советника Николая Васильевича Ильина, направляет Мологскому земскому исправнику письмо и «препровождает» при письме «взятую в лесной даче корову». Исправника просят «взыскать на основании утвержденной правительством таксе, по 15 коп. за корову, которых было по показанию лесников 15 штук». На письмо была сделана приписка: «Бумага эта не отправлена по принадлежности по случаю тому, что корова которая препровождалась при сей бумаге крестьянами д. Лошья силой отобраана». В «объявлении» управляющего Мологскому земскому исправнику, с жалобой на самоуправство, указано, что крестьяне д. Лошья грозились «за это»

отомстить, «но в чем заключается их месть неизвестно». Ильин жаловался в Иловенское волостное управление и на крестьян, учинявших самовольные порубки леса, прилагая список виновников. Подобные споры за пастбища и леса происходили также и с крестьянами других деревень, например, села Станова, деревни Звоза, Бренькова и др., который пасли скот в графских озимых полях и лесных дачах. Дело доходило до земского суда, где в качестве доказательства иногда были представлены коровы и лошади [29 л. 3–3 об., 5–6, 8, 14, 19, 21, 25].

Управляющие участвовали в деятельности по реализации крестьянской реформы. В Борисоглебе удалось быстрее, чем в Иловне, перевести крестьян на выкуп, вероятно, в связи с этим Алексей Владимирович получил знак отличия за введение в действие положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. В 1866–1867 гг. доверенным лицом владельца был Дмитрий Иванович Липин («рыбинский купеческий сын»). При сложной работе в пореформенное время управляющий получал невысокое жалованье: 750 р. 97 к. в год, да еще наградных 250 р. [19 л. 20]. Но и управляющий Борисоглебом Андрей Михайлович Эварди в 1871 г. получал немногим больше – 900 р. (правда, еще 150 р. столовых, 500 р. наградных и 445 р. на разъезды по делам имения) [20 л. 25 об.]. Возможно, невысокий оклад Дмитрия Иванович Липина был связан с социальным происхождением, ведь в Иловне в это же время (в 1866–1868 гг.) Николай Васильевич Ильин получал годовое жалованье в размере 2400 р. [30 л. 6]. С 1872 г. доверенным лицом Алексея Владимировича во время выкупных операций по имению Борисоглеб был дворянин Александр Антонович Глиноецкий.

Выкупными операциями по Иловенским имениям Алексея Ивановича в 1860-е гг. занимался управляющий Н.В. Ильин (при посредничестве в 1867 г. Мологского мирового посредника капитан-лейтенанта Дмитрия Владимировича Михайлова), причем Алексей Иванович предоставил право своему доверенному лицу самому принимать решение о необходимости перехода на выкуп. Но перевод крестьян на выкуп в Иловенском имении затянулся: начавшись в 1868 г., процедура в некоторых селениях не была закончена, и к 1881 г. переговора с крестьянами велись сложно, например крестьяне села Ветрена в 1871 г. заявили о «несоразмерности оброка с наделом» (переговоры с ними проводил управляющий с 1870 г. Карл Иванович Фон-Грудзинский). Заявление не было «признано уважительным», и с 1875 г. крестьяне села Ветрено были переведены на выкуп [31 л. 5, 17]. Самым длинным и сложным был процесс выкупа в селе Станове. Здесь уже после заключения уставных грамот

началось деление и перераспределение земель, связанное с тем, что крестьяне не платили оброк. И по данному вопросу мнения владельца имения и управляющего разошлись. После того, как в Станове выявились злостные неплательщики, Фон-Гродзинский предложил уничтожить круговую поруку, а у неплательщиков отобрать и поля, и «усадебные оседлости». Это предложение было первоначально принято владельцем имения в штыки: «не совершенно понимаю предложения г. Управляющего», – писал Алексей Иванович 1 марта 1873 г. Опасаясь, что лишением земли и домов крестьянам будет некуда деться, граф распорядился сначала выяснить материальное состояние каждого, крестьяне «обеднели от кабака и от уничтожения коневодного промысла, все имение платило исправно оброк, кроме их», – считал барин [26 л. 53–53 об.]. Но управляющий оказался дальновиднее, позже владельцем все же была уничтожена круговая порука, у неплательщиков были отобраны все угодья и присоединены к наделам крестьян плательщиков, в пользовании же неплательщиков оставлена одна «усадебная оседлость по 200 кв. саж. на душу, а на все 32 души – 2 дес. 1600 саж.». Перевод крестьян на выкуп после смерти Алексея Ивановича заканчивала его вдова Любовь Александровна при управляющем Карле Ивановиче Фон-Грудзинском, а затем при «рижском гражданине Павле Федоровиче Краузе» [32 л. 10].

Особенностью найма управляющих второй половины XIX в. было то, что теперь для управления разными отраслями хозяйства приглашались разные менеджеры, и над всем стоял «главноуправляющий». Например, с 1861 г. управляющим в Иловне стал Николай Васильевич Ильин, отставной титулярный советник. В 1870–1871 гг. Николай Васильевич по-прежнему в имении, но ведает теперь только лесопильным заводом и лесным делом [26 л. 2], а главноуправляющим по всему имению Иловна становится прусский подданный Карл Иванович Гродзинский. Но в это же время главноуправляющим, занимающимся всеми делами Алексея Ивановича и Любви Александровны, включая финансовые счета, займы, дела в Петербурге и Москве был Василий Романович Варле. С 1881 г. доверенным лицом Любви Александровны Мусиной-Пушкиной после смерти мужа стал Павел Федорович Краузе.

Начиная с 1870 гг. в архивах почти нет информации об управлении имением Иловна. Все сведения (хоть и немногочисленные) о хозяйстве, штате служащих, подходе к управлению связаны с имением Борисоглеб. С конца 1880-х имением владел внук Владимира Алексеевича, Алексей Алексеевич Мусин-Пушкин. Несмотря на то, что Алексей Алексеевич и его супруга Варвара Васильевна не

проживали постоянно в имении, они были активными участниками общественной жизни Мологского края. Владельцы Борисоглеба смогли воспользоваться открывшимися экономическими возможностями и рационально организовать хозяйственную жизнь. Во многом это получилось, потому что хозяйством в имении (где успешно развивалось молочное скотоводство и велись лесозаготовки в двух Борисоглебских лесничествах) руководили управляющие-профессионалы: датский подданный Иван Иванович Мартенсон-Енсон, Александр Леопольдович Коль и другие.

Одним из самых талантливых людей на должности управляющего был Александр Леопольдович Коль – уроженец Литвы, почетный гражданин Петербурга. Любопытна деловая переписка, которую вел А.Л. Коль, управляющий имением Борисоглеб в течение 1898–1904 гг.: очевидно, дела по управлению имением были поставлены хорошо, о чем говорит письмо управляющему с просьбой принять на работу; «...не могу терпеть только и думаю каждый день когда поеду к Вам служить <...> вся Моя Мысль стремится уехать до Вас <...> даже во сне думаю...» [33 л. 33–33 об.].

В 1910-х гг. все сложнее становилась экономическая ситуация. Но управляющие, да еще несколько «старых слуг» по-прежнему были привязаны к хозяевам. Письмо управляющего Борисоглебской конторой Вильяма Сноре от 19 апреля 1917 г. полно беспокойства от происходящего вокруг, несмотря на уверения в обратном: «здесь пока всё спокойно <...> все телеграммы, высланные Вам во время моего отсутствия только какая-то, мне до сих пор неизвестная интрига. Надеюсь, что в ближайшее время узнаю цель этих происков. До сего дня могу Вас успокоить и уверяю, что беспорядков не было. Я узнал, что к 1-му мая какая-то будет демонстрация, но надеюсь и с этим справиться, о чем и Вам заявляю» [34 л. 1]. Управляющий предупреждал об опасностях, поджидающих хозяйина усадьбы в случае приезда в имение, советовал не приезжать: «На пароходе я лично, и мои служащие также, особенно в Мусине, слышали грозительные слова против Вас, между прочим один казак в Мусине посягнул на Вашу жизнь. Не зная здешних жителей, я считаю в такое опасное время своей должностью Вам об этом доложить» [34 л. 1, 2 об.].

В 1917 г. жизнь коренным образом изменилась – имение было реквизировано. Бывший управляющий О. Капустин, работавший теперь при имении кассиром, писал 6 июня 1918 г. о том, что на последнем волостном собрании людей волновали совсем новые вопросы: «На последнем волостном собрании многими

высказывались пожелания об Учредительном собрании, но большинство сытых кричали за Советскую власть, голодные же высказывались – “кто бы не был у власти но лишь бы хлеб был”» [35 л. 13–13 об.].

Взаимоотношения между крепостным миром и начальниками складывались непросто в течение всего XIX века. Но конфликты чаще происходили не между крестьянами и владельцами, а между крестьянами и управляющими. Управляющие из среды крестьян встречали понимание в своей среде, являясь выходцами из нее. Появление управляющих из среды дворянства встречало глухое или активное сопротивление крепостных, которые воспринимали любые требования как попытку вмешаться в их жизненный уклад. Причем бунт и неповиновение происходили как в случае справедливого возмущения действиями администрации (как в примере с управляющим Шмигельским), так и при попытке навести порядок в имениях, искоренить пьянство и безответственность (как в случае противостояния крестьян и управляющего Бондаревского). Жесткие меры зачастую ни к чему не приводили, лишь усиливая сопротивление. Примеры показывают, что только личная честность и порядочность, если ее демонстрировал управляющий (как это было в случае с В.М. Лениным), помогали примирить подчиненных с новым начальником из дворян.

Со второй половины XIX в. привычка к «пришлым» управляющим свела конфликты между ними и подчиненными к минимуму. С середины XIX в. управляющие – это «менеджеры», задачей которых становится грамотное и эффективное управление хозяйством, а наградой – стабильный заработок. Менялись управляющие часто, их стало гораздо больше, чем в первой половине XIX в. Все чаще управляющие – это датские, прусские, рижские подданные. Но все-таки многолетнее сотрудничество с владельцами имений делали управляющих имениями и хозяев не чужими друг другу людьми, именно от управляющих Мусины-Пушкины получали сочувствие и поддержку в трудные 1917–1918 гг.

Литература

---

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1270. Оп. 1. Д. 554. 116 л.
2. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 881. 39 л.
3. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 997. 22 л.

4. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 3914. 30 л.
5. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10477. 12 л.
6. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10479. 4 л.
7. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1735. 7 л.
8. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1734. 84 л.
9. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1876. 8 л.
10. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 1877. 76 л.
11. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2373. 116 л.
12. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2491. 154 л.
13. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2492. 32 л.
14. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6479. 20 л.
15. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10554. 7 л.
16. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 2144. 12 л.
17. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 4778. 40 л.
18. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10699. 136 л.
19. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7392. 22 л.
20. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7828. 30 л.
21. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5233. 30 л.
22. *Ferrand J.* Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine / Pref. A.A. Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. 521 p.
23. Центральный государственный архив Москвы. Ф. 127. Оп. 1. Д. 579. 408 л.
24. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 5533. 42 л.
25. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6536. 129 л.
26. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7783. 98 л.
27. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 6991. 5 л.
28. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7004. 5 л.
29. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 2. Д. 26. 35 л.
30. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 7542. 26 л.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 577. Оп. 48. Д. 975. 34 л.
32. РГИА. Ф. 577. Оп. 48. Д. 101. 47 л.
33. РГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 9188. 214 л.
34. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 95. 2 л.
35. Государственный архив Ярославской области. Ф. 714. Оп. 1. Д. 186. 13 л.

References

1. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opus' 1. Delo 554. 116 listov. (In Russ.)
2. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opus' 1. Delo 881. 39 listov. (In Russ.)

3. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 997. 22 lista. (In Russ.)
4. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 3914. 30 listov. (In Russ.)
5. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10477. 12 listov. (In Russ.)
6. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10479. 4 lista. (In Russ.)
7. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1735. 7 listov. (In Russ.)
8. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1734. 84 lista. (In Russ.)
9. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1876. 8 listov. (In Russ.)
10. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 1877. 76 listov. (In Russ.)
11. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2373. 116 listov. (In Russ.)
12. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2491. 154 lista. (In Russ.)
13. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2492. 32 lista. (In Russ.)
14. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6479. 20 listov. (In Russ.)
15. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10554. 7 listov. (In Russ.)
16. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 2144. 12 listov. (In Russ.)
17. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 4778. 40 listov. (In Russ.)
18. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 10699. 136 listov. (In Russ.)
19. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7392. 22 lista. (In Russ.)
20. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7828. 30 listov. (In Russ.)
21. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 5233. 30 listov. (In Russ.)
22. Ferrand J. Histoire et genealogie des nobles et comtes Moussine-Pouchkine. Paris, 1994. 521 p.
23. The Central State Archives of Moscow. Fond 127. Opis' 1. Delo 579. 408 listov. (In Russ.)

24. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 5533. 42 lista. (In Russ.)
25. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6536. 129 listov.
26. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7783. 98 listov. (In Russ.)
27. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 6991. 5 listov. (In Russ.)
28. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7004. 5 listov. (In Russ.)
29. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 2. Delo 26. 35 listov. (In Russ.)
30. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 7542. 26 listov. (In Russ.)
31. The Russian State Historical Archives. Fond 577. Opis' 48. Delo 975. 34 lista. (In Russ.)
32. The Russian State Historical Archives. Fond 577. Opis' 48. Delo 101. 47 listov. (In Russ.)
33. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fond 1270. Opis' 1. Delo 9188. 214 listov. (In Russ.)
34. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 1. Delo 95. 2 lista. (In Russ.)
35. The State Archives of the Yaroslavl Region. Fond 714. Opis' 1. Delo 186. 13 listov. (In Russ.)

Информация об авторе

Юлия В. Ким, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; Yvk22@yandex.ru

Information about the author

Yuliya V. Kim, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; Yvk22@yandex.ru